

Соль на исторические раны

Школьный курс истории отечества написан о русских и для русских.

Раз в Ингушетии, в школе для детей чеченских беженцев, я оказалась свидетельницей конфликта на уроке истории. Молоденькая учительница, на вид совсем девчужка, мало чем отличавшаяся от своих девятиклассников, рассказывала про войну 1812 года. Все уроки здесь ведутся на русском, но периодически учителям приходится повторять свои слова на чеченском – ребята очень неважно владеют языком «межнационального общения». Когда речь зашла о героизме русской армии, школьники напряглись и помрачнели. Один, явно лидер, вдруг перебил учительницу и закричал по-чеченски (смысл и так легко было угадать по выражению лица, но потом учительница перевела его монолог): «Зачем вы нам хвалите русскую армию? Они бандиты, они хотят нас уничтожить!» Растерянность на лице, но лишь на мгновение: «Знаете, тогда это была совсем другая армия. И офицеры были другие». Следует эмоциональный рассказ про батарею Раевского, и тот же парень, что пару минут назад «выступал», покивал, соглашаясь: «Да, тогдашние были хорошие ребята».

Учительницу с первой войны, когда она была еще девочкой, мучают головные боли – следствие контузии, полученной во время бомбежки. Она из-за этого долго не могла учиться, даже истфак не закончила. «Я на четвертом курсе была, когда вторая война началась, мы с родителями поскорее уехали. А здесь учить некому, вот мне и позволили с незаконченным...» Я спросила: «А что будете делать, когда придется рассказывать про Ермолова?» Она заморгала потерянно: «Не знаю... Не думала еще...» Эта девочка и все прочие учителя-чеченцы остались наедине с этой неразрешимой на их уровне задачей. Ни в Министерстве образования, ни в правительстве, ни в ведомстве господина Ястржембского никто не озаботился проблемой: как учить русской истории чеченских детей? Впрочем, речь отнюдь не только о чеченских детях – просто с ними из-за войны все особенно остро. Никакому ребенку с Северного Кавказа не может понравиться, как изложена в российских учебниках история покорения Кавказа: Ермолов – герой, само завоевание – нечто несомненно позитивное и проч. Даже в советские времена дагестанский поэт Расул Гамзатов (уж лояльный из лояльных) возмущался тем, что в Гунибе (аул в Дагестане) установлен памятный знак в честь князя Барятинского, пленившего Шамиля: «Почему на камне лишь имя врага?/Неужели тебе сыновья твои чужды?/Неужели нам ближе царский слуга,/Что заставил их бросить к ногам оружие?» Сознание горца никак не могло и не может примириться с такой интерпретацией истории, когда герои не те, кто сопротивлялся интервенции, а те, кто ее осуществлял. В советское время авторы учебников не принимали и не могли принимать во внимание эти народные чувства, а сегодняшние, похоже, просто не дают себе труда подумать, что курс отечественной истории учат не только русские дети и что история только тогда отечественная, когда она написана для всех национальностей, живущих в России.

Под портретом Гумилева

Когда люди отторгают официальную историю, они обязательно творят «альтернативную», расставляя акценты, а зачастую и факты, так, как им больше нравится. Весной 91-го, на закате советской власти, историей вдруг стали интересоваться на Северном Кавказе решительно все. С ее помощью обосновывались политические и территориальные притязания: чеченцев – на повышение статуса с автономии до союзной республики, ингушей – на Пригородный район Северной Осетии и кусок Владикавказа, осетин – на то, чтобы этот район и Владикавказ удержать. С помощью «исторических» доводов доказывали, какие плохие или, наоборот, замечательные осетины, или ингуши, или чеченцы. Чеченцы рассказывали, к примеру, автору этих строк, что древнейшее чеченское государство называлось Урарту и занимало оно территорию от моря до моря (какие именно моря имелись в виду, не уточнялось). Разумеется, и Кавказская война выглядела и выглядит в представлениях чеченцев и ингушей совсем не так, как в школьных учебниках истории: здесь рассказывают о чудовищных жестокостях Ермолова и славных подвигах тогдашнего сопротивления (в последние годы его участников все чаще называют моджахедами, чтобы было похоже на самоназвание нынешних боевиков).

Кроме Северного Кавказа, традиция «альтернативной» истории в советские годы складывалась в Татарстане, поскольку до самого последнего времени в учебниках по российской истории можно было прочесть много

такого, что не могло не задевать татар. Помнится, когда мы в седьмом классе проходили татаро-монгольское нашествие, учительница, рассказывая в красках, как чудовищно жестоки были завоеватели, какими дикарями они были по сравнению с русскими, среди прочего позволила себе такой пассаж: «Имейте в виду, что русский мат имеет татарские корни, так что кто матом ругается, тот, считайте, происходит от татаро-монголов». – «Рыжов – татарин!» – радостно закричали в классе. (Напомним, что среди нецензурных есть слова как славянского, так и тюркского происхождения.)

Этот эпизод – не просто пример педагогической бестактности конкретной училки. Весь курс, все описание татаро-монгольского ига – а это немалый кусок российской истории – был составлен так, что не оставалось сомнений: татарин – враг. Татары – и ученые, и общество в целом – мириться с этим, естественно, не хотели. Не случайно еще в советское время огромной популярностью в татарской среде пользовались работы Льва Гумилева. Он утверждал, что никакого ига не было, а было мирное сосуществование и сотрудничество славян и тюрков – будущих татар. (Книги Гумилева более или менее единодушно оцениваются научным сообществом как бездоказательные, скорее идеологические, чем научные. Но нас в данном случае интересует не истина, а школьный курс, в котором важна не только научная достоверность, но и то, как воспринимается тот или иной сюжет учениками.)

И сегодня в Татарстане чувствуется влияние Гумилева. Например, в замечательной гимназии №2 в Казани портрет Льва Николаевича висит в кабинете истории на самом видном месте в окружении татарских просветителей. «В России две составляющих: славянская и тюркская». Этот чисто гумилевский тезис часто звучит на уроках истории в Казани или Набережных Челнах. Учителя, не дождавшись помощи от Министерства образования, сами объясняют татарским детям, что они – ничуть не меньшие россияне, чем русские. И если школе в этом помогает Гумилев – пусть будет Гумилев.

Татары, монголы и монголо-татары

Другой вариант национального «ответа» на проблему татаро-монгольского ига представляется более научным. Русская школа в Казани. «Иль башку с широких плеч у татарина отсечь», – процитировав «Мертвую царевну», учительница истории Ольга Николаевна обращается к своему седьмому «А»: «Ребята, это про каких татар, про наших?» – «Нет, – дружно кричат дети. – Нет! Это про монголов!» Татарские ученые считают, что современные татары – потомки прежде всего булгар, тюркского племени, пришедшего на Среднюю Волгу в VII–IX веках и основавшего там государство Волжская Булгария, которое было уничтожено монголами. Булгары отчасти смешались с завоевателями, и на них распространился этноним «татары», которым называли тюркские племена, пришедшие вместе с монголами на Русь и в Волжскую Булгарию. В Татарстане даже есть, хоть и слабое, движение булгар – они выступают за то, чтобы татар переименовали в булгар. Известен случай, когда один гражданин в судебном порядке потребовал, чтобы ему соответствующим образом исправили национальность в паспорте.

Татарские ученые и общественные деятели активно сотрудничают с российскими академическими институтами, с Министерством образования, и это кое-какое действие оказывает. В последних вариантах российских учебников описание нашествия дается уже несколько по-другому. Например, в учебнике А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной для 6–7-х классов нигде не употребляют слова «татары» – «разорjali, жгли и грабили русские города» именно монголы. Нет татар и в главах, посвященных Золотой Орде и взятию Казани. В итоге остается непонятным, кого же Иван Грозный покорил, взяв Казань: неужели все те же монголы, которые пришли на Русь? В учебнике Т.В. Черниковой присутствует словосочетание «татаро-монгольское нашествие», но при этом автор оговаривается, что татарами китайцы называли монголов. Черникова не демонизирует ни Чингисхана, ни Батю, пишет о них не как о предводителях варварского племени, а как о талантливых вождях и полководцах. Здесь, да и во всех других учебниках, ни слова не говорится о происхождении нынешних поволжских татар и о том, какое они имеют отношение к монгольским кочевникам. В результате ответа на множество вопросов (чьим государством – монгольским, или тюркским, или тюркско-монгольским – была Золотая Орда, откуда взялись Казанское и Астраханское ханства, покоренные Иваном Грозным, и др.) – школьники так и не получают.

В Татарстане в национальных школах преподается история республики (как «Московедение» в столице). В «Истории Татарстана», самом популярном учебнике группы авторов под руководством Б.Ф. Султанбекова, дается ответ на вопрос, откуда есть пошли татары: «Улус Джучи (Золотая Орда) был создан монгольскими ханами. Монголов же в Европе называли татарами, и этот термин перешел на население Золотой Орды. Со временем он закрепился за булгарами. Однако современные татары, особенно поволжские, обязаны своим происхождением не монголам, а булгарам и кыпчакам. К монгольским завоевателям они не имеют никакого отношения». Этот пассаж так и просится, чтобы его включили в курс истории Отечества. Из-за «татарского

ига» вопрос о татарском этногенезе приобрел особую остроту, и внести в него ясность необходимо – в этом нуждаются не только татарские, но и русские, и все прочие школьники.

Вместе, а не врозь

Другой вопрос, по которому у татар имеется свой, отличный от официально-русского взгляд, – взятие Казани Иваном Грозным. Это одно из самых кровавых и трагических событий татарской истории. Татарское национальное движение отмечает дату взятия Казани как день национального траура. А в российских учебниках покорение Иваном Казанского и Астраханского ханств традиционно рассматривается как внешнеполитический успех России: окончательная победа над Золотой Ордой сделала возможным продвижение на восток. Правда, в последних вариантах федеральных учебников сделаны явные шаги навстречу татарам: например, А.Н. Сахаров в своем учебнике рассказывает, как самоотверженно защищались казанцы, и делает вывод, что после покорения Казанского и Астраханского ханств «Россия... постепенно из обороняющейся, страдающей стороны превращалась в захватническое государство». В учебнике А.А. Преображенского и Б.А. Рыбакова говорится о невероятной жестокости, с которой Иван расправился с населением Казани. Но в целом тональность остается той же, что и в советских курсах: взятие Казани – это благо для России. Татарские авторы согласиться с такой оценкой, конечно, не могут. Но в большинстве случаев они стараются не заострять, а, напротив, смягчать расхождения в оценках этого события. В учебнике Султанбекова, в частности, написано, что вместе с русскими войсками Казань штурмовали и татары из числа противников казанского хана. Учебник отмечает, что наряду с бедами (татар сгоняли с земли, насильно крестили и т.п.) в завоевании были и положительные моменты: быстрее стала развиваться экономика, татары приобщились к русской культуре. Такой взвешенности очень не хватает российским учебникам – в конце концов взятие Казани это такая же часть российской истории, как татарской.

Булат Султанбеков старался – об этом он прямо говорил обозревателю «Журнала», – чтобы его учебник не противоречил общероссийским. «Нельзя устраивать хаос в головах школьников». Надо отметить, что татарстанская элита много делает для того, чтобы расхождения в видении истории по-русски и по-татарски не заострялись. Скажем, в республиканском Институте усовершенствования учителей слушателям рекомендуют рассказывать детям, что Иван Грозный не в одной Казани устроил чудовищную резню, но и в русских городах Новгороде и Пскове. В курсе «Истории Татарстана» всячески акцентируются моменты, когда русские и татары действовали сообща, а не друг против друга. Татар в республике немногим больше, чем русских, и залог ее благополучия – мир между этими двумя общинами. Это осознается практически на всех уровнях, в том числе теми, кто определяет политику в области образования. Здесь всячески подчеркивают взаимное влияние и взаимопроникновение культур.

В центре Казани еще с царских времен стоит памятник русским воинам, погибшим при взятии Казани. Никаких сколько-нибудь серьезных попыток его снять не было даже в начале 90-х, в момент наибольшего подъема национального движения. Памятник сильно обветшал, и республика будет по мере возможности его реставрировать. Сообщая об этом, диктор местного телевидения не забыл упомянуть, что там покоятся и останки татар, воевавших бок о бок с русскими. Местные школьники, и татары, и русские, про взятие Казани говорят вполне спокойно, без надрыва и запальчивости. Татарстан – не Чечня, здесь с болью и страстью к истории относятся немногие.

Немало эпизодов в курсе истории Отечества изложено так, что ничего, кроме раздражения у отдельных народов, проживающих в России, это вызвать не может. Но помимо этой, существует и другая, как представляется, более сложная, проблема. Курс истории Отечества написан так, словно в России живут только русские: это история русских, написанная для русских. Другие народы появляются на страницах учебников лишь в связи с русскими: о татарах говорится в связи с игом, о народах Северного Кавказа – в связи с Ермоловым. Даже в учебнике Данилова и Косулиной, который называется «История государства и народов России», в главе о народах Поволжья рассказывается только о российской политике на присоединенных после взятия Казани землях. Ни слова об исламе и язычестве, об их роли в жизни людей, проживающих на этих территориях. Авторы пишут о русской колонизации, о том, как татар сгоняли с земли, – и ничего не говорят о том, куда же девались обездоленные. Таких примеров можно приводить множество. В других учебных пособиях главы о нерусских народах вообще отсутствуют. Кстати, в советские учебники они вставлялись в обязательном порядке. На них никто не обращал внимания, но это хотя бы был знак того, что страна осознает себя многонациональной.

В России живет несколько сот народов, и, разумеется, этногенез и историю всех представить в курсе отечественной истории невозможно. Но дать хотя бы общие представления о тюркских, финно-угорских народах, их влиянии на русских и роли в формировании русской государственности необходимо. О народах Сибири и Дальнего Востока следует упоминать не только в связи с Ермаком, а о народах Северного Кавказа –

не только в связи с Ермоловым. Если мы хотим, чтобы все живущие в стране чувствовали себя согражданами, другого пути у нас нет.

Автор: Артур Скальский © Еженедельный журнал ОБРАЗОВАНИЕ, РОССИЯ 👁 2791 03.12.2002, 00:00 📌 444
URL: <https://babr24.com/?ADE=4863> Bytes: 14825 / 14783 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)